

DOI 10.26105/SSPU.2023.3.84.016

УДК 94(470)“1904/1905”

ББК 63.3(2)532–282.2

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ,
Л.Н. ШУМИЛОВА**РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА
И АГИТАЦИЯ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
САРАТОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ)**YU.V. VARFOLOMEEV,
L.N. SHUMILOVA**REVOLUTIONARY PROPAGANDA
AND AGITATION AMONG THE PEASANTS
ON THE EVE AND DURING
THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE SARATOV JUDICIAL CHAMBER)**

Статья посвящена изучению содержания и методов революционной агитационно-пропагандистской работы партий социалистов революционеров и социал-демократов в 1904–1905 годах среди крестьянского населения регионов Поволжья. Авторы, привлекая источники официального и личного происхождения, в том числе и впервые вводимые в научный оборот, рассматривают вопросы, касающиеся целей и способов агитации и пропаганды радикальных партий в крестьянской среде, борьбу местных властей с этими преступлениями, в том числе судебное преследование революционеров, обвиняемых за распространение запрещенной литературы. Подводя итог проведенному исследованию, авторы определяют характер и методы агитационно-пропагандистской работы радикальных партий в крестьянской среде, ее последствия для развертывания погромного движения в сельской местности, а также оценивают адекватность и достаточность мер правительства по пресечению противоправной подстрекательской, антиправительственной агитационно-пропагандистской деятельности эсеров и большевиков.

The article is devoted to the study of the content and methods of revolutionary agitation and propaganda work of the parties of Socialist revolutionaries and Social Democrats in 1904–1905 among the peasant population of the Volga regions. The authors, involving sources of official and personal origin, including those introduced into scientific circulation for the first time, consider issues related to the goals and methods of agitation and propaganda of radical parties in the peasant environment, the struggle of local authorities with these crimes, including the prosecution of revolutionaries accused of distributing banned literature. Summing up the research, the authors determine the nature and methods of agitation and propaganda work of radical parties in the peasant environment, its consequences for the deployment of a pogrom movement in rural areas, and also assess the adequacy and sufficiency of government measures to curb illegal inflammatory, anti-government agitation and propaganda activities of Social Revolutionaries and Bolsheviks.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революционная, пропаганда, агитация, крестьянство, распространение, запрещенная литература, судебные процессы

KEY WORDS: revolutionary, propaganda, agitation, peasantry, distribution, banned literature, trials

ВВЕДЕНИЕ. На протяжении ряда лет сохраняет актуальность дискуссионная историографическая проблема, касающаяся роли и значения пропаганды радикальных партий — эсеров и социал-демократов в революционизировании массового крестьянского сознания, а также в подстрекательстве и организации погромного движения в российской деревне накануне и в годы т.н. первой русской революции. Обращение к данной теме актуализируется также научным и общественным дискурсом, широко развернувшимся вокруг т.н. «информационной войны», а значит, и потребностью научного осмысления и выявления целей, форм и методов пропаганды и агитации, направленных на манипулирование массовым сознанием.

ЦЕЛЬ — исследование задач, характера и методов агитационно-пропагандистской деятельности партий социалистов революционеров и социал-демократов в крестьянской среде накануне и в годы первой русской революции на примере Поволжских губерний Российской империи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В ходе подготовки статьи привлекались классические методы исторического исследования и, прежде всего, причинно-следственный анализ связей между историческими событиями, типологизация исторических явлений, историко-системный анализ. В исследовании использованы различные исторические источники как официального, так и личного происхождения. В качестве основного источника использованы архивные документы по делам о распространении запрещенной литературы из фонда Саратовской судебной палаты.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Противоречивые и разнополярные подходы относительно наличия и влияния революционной пропаганды на крестьянские массы накануне и в годы «первой русской революции» определились уже в позициях современников тех событий. Известный советский ученый-аграрий, академик П.П. Маслов в начале 20-х годов прошлого века, очевидно, не уловив на тот момент «генеральную линию» марксистско-ленинской идеологии и историографии и желая подчеркнуть невыносимые условия жизни сельской бедноты, утверждал, что «Аграрное движение началось в тех местах, где крестьянам в буквальном смысле “житья не было”. В этих районах не было никакой крестьянской организации, никакой агитации и пропаганды, и движение вылилось в стихийные формы» [10, с. 15]. Между тем, его партийный соратник историк-марксист А.В. Шестаков парировал ему: «Во время арестов крестьян в Саратовской губернии в период 1902-1903 гг., когда здесь широкой волной прокатились крестьянские волнения, полицией также было обнаружено много революционной литературы, распространявшейся Саратовским комитетом партии. В деревнях существовали пропагандистские кружки и велась политическая агитация. Но наиболее широкий размах большевистская агитация и пропаганда в деревне получили в период революции 1905 года» [15].

Приведенные утверждения Шестакова основаны в том числе и на его личном опыте, так как в те годы, по его признанию, он был одним из «специальных работников», подобранных из революционеров-профессионалов, и направляемых Московским окружным комитетом РСДРП для организации агитационной и пропагандистской работы в деревне. Следует подчеркнуть то, что большевики очень основательно подошли к этой работе. Была даже разработана специальная инструкция для «организаторов», в которой детально прописывались все действия по организации и координации идеологической работы среди крестьян [15].

Однако, несмотря на все усилия большевиков по распропагандированию крестьян и привлечения их на свою сторону, все-таки доминирующее политическое положение в деревне традиционно (как наследники народнической идеологии и практики) имели эсеры, и именно они, в первую очередь, оказывали решающее влияние на формирование массового сознания крестьянства. Косвенным признанием того, что большевики в дерев-

не были на «вторых ролях» и поэтому испытывали проблемы с организацией и проведением своей агитационно-пропагандистской работы, является свидетельство А. В. Шестакова: «Свою работу в деревне большевики вели не через деревенскую интеллигенцию, а через рабочих и распропагандированных крестьян» [15]. Действительно, «деревенская интеллигенция», или как их еще называли «третий элемент» — земские служащие по найму (учителя, врачи, статистики) были оплотом партии эсеров, которые на постоянной основе и планомерно вели революционную деятельность среди крестьян. При этом год от года добивались существенных успехов, расширяя круг не только сочувствующих их идеям, но и прямых соратников. Выдающийся руководитель политического сыска России А. И. Спиридович, прекрасно осведомленный о деятельности эсеров, отмечал: «Общая тенденция работы в деревне заключалась в революционизировании крестьянства и в организации недовольных элементов» [14]. На основе агентурных данных он также уточнял, что наиболее планомерная, обстоятельная работа эсеровских функционеров по организации и проведению агитационно-пропагандистской работы проводилась в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях. Причем именно Саратовская губерния стала центром переиздания народнических прокламаций, таких, как, например, «Хитрая механика» и «Кривда и правда», а также издания новых актуальных листовок и т. н. «народных книжек», внешне вполне «легальных»: «Беседа о земле» и «Как министр заботится о крестьянах».

Среднее Поволжье было «облюбовано» для революционизирования крестьянских масс также и социал-демократами, и стало фактически вторым большим центром большевистской активности в деревне после Московского региона. Правда, здесь, по утверждению знавшего эту ситуацию А. В. Шестакова, «в прокламациях встречается значительно большее разнообразие тем, ибо здесь крестьянский вопрос стоял более остро, чем в Московской промышленной области. В прокламациях указанных комитетов говорилось больше всего о борьбе крестьянства за землю, давались прямые указания об организации в деревне крестьянских комитетов, о необходимости революционных выступлений и т. д.» [15]. При этом он уточнял, что саратовские большевики за эти годы не только выпустили 5 прокламаций, среди которой была очень востребованная в агитационной работе листовка «К товарищам-крестьянам», но и, что не менее важно, Саратовский комитет «выработал программу занятий с крестьянскими кружками, которая была широко распространена по всей России и была использована как примерная программа для работы в пропагандистских кружках деревни» [15].

Безусловно, подобная целенаправленная и мощная агитационно-пропагандистская работа не могла не дать свои результаты. Ю. В. Варфоломеев делает вывод о том, что «Массированная и дерзкая антиправительственная агитация дала свои плоды — с весны 1905 г. Юг России, Черноземье и Поволжье захлестнула мощная волна аграрных беспорядков» [1, с. 381]. То, что эскалация крестьянских беспорядков напрямую была связана с подстрекательской деятельностью леворадикальных партий, подтверждается свидетельствами высших должностных лиц губерний. Опираясь на архивные источники, Г. В. Гарбуз отмечает, что «в качестве главной причины аграрных выступлений “хозяева губерний” указывают “подстрекательство врагами государства невежественных крестьянских масс”» [4, с. 37], а некоторые политические деятели, как, например, самарский губернский предводитель дворянства А. Н. Наумов, считали, что крестьянские волнения не только плод агитации и подстрекательства эсеров и социал-демократов, но и то, что «Революционное движение перебралось из города в деревню» [11, с. 24].

Судя по материалам судебных процессов по делам о распространении запрещенной литературы, которые рассматривала Саратовская судебная палата, количество подобных преступлений заметно увеличивается с 1904 г. В село все чаще стали проникать «больше-

вистские “волшебные бумажки”, как называли крестьяне партийные прокламации» [15], и нелегальная литература партии эсеров. «В 1904 г. заметно активизировалась эсеровская агитация, традиционно призывавшая к кардинальному переделу земли в пользу крестьян и привлекательно спекулировавшая на неудачах российской армии в непопулярной среди населения русско-японской войне, — отмечает Ю.В. Варфоломеев. — В 1904 г. Саратовской Судебной палатой и Саратовским окружным судом было рассмотрено 10 дел об антиправительственной пропаганде, а в 1905 г. их количество возросло более, чем в два раза — судами было рассмотрено 23 дела агитаторов радикальных партий» [1, с. 380]. Рассмотрим несколько характерных судебных дел по обвинению в антиправительственной агитации и распространении запрещенной литературы.

20 января 1904 г. проживающий в г. Кирсанове крестьянин Александр Золотов заявил местной полиции, что у его знакомой крестьянки Антонины Стрельцовой имеются разные издания противоправительственного содержания. В ходе проведенного у нее обыска действительно были обнаружены брошюры: «Солдатская памятка» Льва Толстого и «Народное дело» издания партии социалистов-революционеров. «В обоих этих сочинениях выражается дерзостное неуважение Верховной власти и порицание установленного Основными законами образа правления», — констатировалось в обвинительном заключении. Задержанная пояснила полиции, что купила эти брошюры в Тамбове у незнакомого ей человека, но затем созналась, что получила их от своего родственника Петра Муравьева [8, л. 2.]. В ходе следствия свидетель Золотов пояснил, что 7 и 8 января 1904 г. Стрельцова приходила к ним в гости играть с его женой в карты, и во время разговора она сказала, что привезла с собой из Тамбова «очень интересные запрещенные книги». На совет Золотова уничтожить эти книжки или отдать их обратно, та самоуверенно заявила, что «она никого не боится и будет читать эти брошюры на улице даже перед исправником» [8, л. 2.]. Однако на суде она все отрицала, не признавая себя виновной. Стрельцова утверждала, что получила от своего племянника П.Я. Муравьева «какой-то сверток». При этом упирала на то, что она малограмотная и сама брошюр не читала, а свидетелям эти запрещенные издания давала «не для чтения, а для курения» [8, л. 3–Зоб.]. Привлеченный по этому делу в качестве обвиняемого П.Я. Муравьев, не признавая себя виновным, выдвигал в качестве своего оправдания не менее сомнительные аргументы. Во-первых, по его утверждению, он не давал А.В. Стрельцовой никаких противоправительственных сочинений, и даже не знает — приезжала ли она в Тамбов. Во-вторых, он заявил, что «Стрельцова находится с ним во враждебных отношениях и потому ложно оговаривает его» [8, л. Зоб.].

Между тем, из приобщенной к делу справки стало известно, что Муравьев в 1903 г. привлекался Тамбовским жандармским управлением к дознанию по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 252 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных «за составление и распространение сочинений, а также произнесение речей, порицавших образ правления и порядок наследования престола» [13, с. 309.]. Максимальный срок наказания по этой статье предусматривал для подсудимого ссылку на каторжные работы на срок от 4 до 6 лет, однако Муравьев подвергся всего лишь административному аресту при полиции на 10 дней, так как судом не был изобличен в умышленном распространении запрещенных изданий. Кроме того, решением суда он был отдан под надзор полиции, но, очевидно, это не помешало ему продолжить свою преступную деятельность. На основании собранных доказательств обвиняемые были преданы суду Саратовской судебной палаты в усиленном составе с участием сословных представителей, которая 29 июля 1905 г. вынесла постановление: «крестьян П.Я. Муравьева и А.В. Стрельцову на основании ст. 771 Устава уголовного судопроизводства считать по суду оправданными» [8, л. 49об.].

В то же время социал-демократами распропагандирование крестьян велось не только по месту жительства последних — в деревнях, но и в городах, когда те по каким-либо

делам приезжали туда. Типичный случай подобного рода произошел в начале апреля 1904 г., когда крестьянин М. Толмачев, будучи в Тамбове и проходя по ул. Дубовой, нашел на тротуаре несколько революционных прокламаций. Как только он поднял эти листовки, к нему подошел неизвестный человек, как впоследствии выяснилось, служащий конторы западного участка Рязано-Уральской железной дороги Г.Е. Дронин и вступил с ним в разговор, в ходе которого предложил Толмачеву ознакомиться с этими изданиями, а потом раздавать их другим. После этого знакомства Толмачев по приглашению Дронины несколько раз был у него на квартире. В ходе этих встреч гостеприимный хозяин не только знакомил приезжего крестьянина с запрещенной литературой, но и советовал ему организовывать среди односельчан особые кружки для совместного чтения противоправительственных сочинений и устроить кассу для сбора денег на выпуск прокламаций по адресу, который он ему укажет. В ходе следствия Толмачев сообщил, что, посещая Дронины, он видел у него пачки революционных брошюр различного наименования «в значительном количестве», и при этом уточнял, что «они постоянно заменялись новыми» [7, л. 2-2об.].

10 мая 1904 г. Толмачев получил от Дронины целую партию революционных изданий для распространения среди крестьян, но отнес их помощнику пристава 3 части г. Тамбова Бурлину. При осмотре этих изданий было обнаружено, что в их числе находилось: 11 экземпляров отдельного оттиска под заглавием «В ожидании успехов» из № 60 газеты «Искра»; 11 экземпляров воззвания РСДРП «К гражданам России»; 76 воззваний ЦК партии под заголовком «К русскому пролетариату»; 18 экземпляров воззвания «Что такое народное правление»; 6 экземпляров брошюры «Светлый праздник в Сарове или жандарм в рясе»; 2 листка под названием «№ 42 Люди и овцы»; брошюры «мститель», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочая партия и крестьянство» [7, л. 2об.].

Получив сведения об этой запрещенной литературе, пристав 3 части г. Тамбова Морозов вечером 12 мая 1904 г. на основании Положения о государственной охране произвел обыск в квартире Г.Е. Дронины, в ходе которого было обнаружено большое количество противоправительственных листовок и брошюр, изданных РСДРП. После изучения содержания изъятой у Дронины антиправительственной литературы «было установлено, что в них проводится мысль о необходимости ниспровержения существующего в России общественного строя, — отмечалось в обвинительном акте, — и порицается установленный Основными законами образ правления» [7, л. 2об.]. Среди этих изданий, на наш взгляд, самой «адресной» по отношению к крестьянству была брошюра «19 февраля», в которой, в частности, утверждалось, что «крестьяне стремятся к борьбе с капиталом и его прислужником — самодержавным царем...», и что «народ останется обманутым до тех пор, пока государственная власть будет находиться в руках царя», а заканчивалась эта «волшебная» книжица от большевиков традиционными революционными призывами: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует народное правление!» [7, л. 42об.].

Рассмотрев это дело, 11 ноября 1904 г. Саратовская судебная палата вынесла приговор: «1) мещанина г. Петровска Г.Е. Дронины, 25 лет, признать невиновным в преступлении, предусмотренном ст. 128 и 2п. 1 ч. Ст. 129 Уголовного уложения 1903 г., считать по суду оправданным; 2) Дронины признать виновным в преступлении, предусмотренном 2 п. ст. 132 Уголовного уложения 1903 г. наказанию не подвергать за силою 1 п. Всемиловейшего Манифеста от 11 августа 1904 г.» [7, л. 44.]. Другими словами, приговором суда Дронин был признан невиновным «в оказании дерзостного неуважения Верховной Власти или в порицании установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола произнесением или чтением, публично, речи или сочинения или распространением или публичным выставлением сочинения или изображения» [12, с. 53]. В то время, как за хранение и распространение антиправительственных сочи-

нений, призывающих к учинению бунтовщического или изменнического деяния, а также с призывами к ниспровержению существующего в государстве общественного строя (2 п. ст. 132 Уголовного уложения 1903 г.) [12, с. 55] он был признан виновным, однако всемилоостивейше помилован на основании царского Манифеста от 11 августа 1904 г. по случаю дня рождения наследника российского престола Алексея Николаевича [3]. В контексте мер прощения и снисхождения царской власти по отношению к преступнику, распространявшего призывы к ее свержению, весьма показателен третий пункт приговора: «судебные издержки возложить на обвиняемого Дрони́на, а при несостоятельности его — на счет казны (подчеркнуто мною. — Ю.В.)» [7, л. 44.].

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что царские власти в этот период проводили политику перманентного издания указов, в соответствии с которыми уголовное преследование в отношении политических преступников прекращалось. Так, 21 октября 1905 г. был издан очередной (после Манифеста от 11 августа 1904 г.) Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «Об облегчении участи лиц, впавших до восполедования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года в преступных деяния государственные» [9, с. 163]. Более того, освобождение от наказания за совершенное государственное преступление по этому указу распространялось даже на тех обвиняемых, которые скрылись от органов правосудия и были объявлены в розыск, как это было в случае с крестьянином В.И. Бздникиным, обвинявшемся в распространении эсеровской литературы. Саратовская судебная палата при этом вынесла определение о том, что судебные издержки (включавшие розыск обвиняемого через полицию и объявления в газетах) по этому делу «принять на счет казны» (!) [6, л. 77.].

Несмотря на политику умиротворения политических преступников со стороны властей и лояльности к ним органов правосудия, выносящих оправдательные приговоры, или приговаривавшие их к наименьшей мере наказания, профессиональные революционеры не только не прекращали своей противоправной подстрекательской деятельности среди крестьян, но и активизировали ее. Деструктивная антиправительственная пропаганда и агитация революционеров давали свои ядовитые всходы в крестьянском массовом сознании. А.Н. Наумов, анализируя ситуацию в Поволжских деревнях накануне масштабной эскалации аграрного движения осенью 1905 г., отмечал: «Откуда-то появились никому не известные гастролеры-агитаторы, большею частью молодежь, руководимая чьей-то опытной рукой» [11, с. 25]. Еще одно интересное свидетельство о лицах, специализировавшихся на революционной агитации, принадлежащее пензенскому губернатору С.А. Хвостову, приводит в своей статье Г.В. Гарбуз: «Аграрные беспорядки... были вызваны агитацией сельских учителей, учительниц» [4, с. 38].

Наблюдения и выводы А.Н. Наумова и С.А. Хвостова подтверждаются, в частности, документами судебного процесса по делу жителей сел Голицыно, Ириновки и Тепловки Саратовского уезда А.В. Курко, У.Ф. Мясниковой и др. в количестве 125 человек, обвинявшихся в вооруженном восстании в октябре 1905 г. [5, л. 1]. Характерно то, что в материалах дела, во-первых, фигурируют три неизвестных агитатора (приезжие), или, как их называли местные жители — «ораторы», которые воодушевляли революционными речами и направляли на погромы частновладельческих усадеб вооруженную толпу крестьян. А, во-вторых, вожаками погромщиков, как ни странно, были две земские учительницы А.В. Курко и У.Ф. Мясникова, что было доказано в ходе судебного следствия [5]. «Именно эта пятерка, явно не крестьянского сословия, и стала во главе развернувшегося крестьянского восстания», — констатирует Ю.В. Варфоломеев [1, с. 384].

Со стороны властей по отношению к задержанным революционным агитаторам просматриваются две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, серьезной проблемой для правоохранительных органов было доказательство вины обвиняемых, а с другой —

судебно-следственные материалы свидетельствуют о снисходительном отношении губернских и полицейских властей к политическим преступникам. «Рассматриваемая форма выражения протестных настроений, вероятно, считалась властями относительно неопасной, — резонно считает Е.А. Вересова, — к ответственности в административном порядке были привлечены чуть более половины обвиняемых, а строгому наказанию — тюремному заключению — подверглись лишь 8%» [2, с. 45–46].

ВЫВОДЫ. По результатам проведенного исследования характера и роли революционной агитационно-пропагандистской деятельности радикальных партий в крестьянской среде накануне и в годы «первой русской революции» на примере Поволжского региона можно сделать следующие выводы.

Во-первых, проведение и цели агитационно-пропагандистской работы антиправительственного и подстрекательского характера в деревне подтверждаются и раскрываются свидетельствами представителей эсеров и социал-демократов, с одной стороны, и представителями властей — с другой, а также судебно-следственными документами. Царские власти, несмотря на особо опасный характер и широкое распространение антиправительственной пропаганды, все-таки освобождали от ответственности большое количество революционных агитаторов, руководствуясь гуманными соображениями и традицией прощения преступников по случаю великих праздников, каковым для венценосной четы стало рождение долгожданного наследника.

Во-вторых, меры властей по пресечению подобной деструктивной деятельности и наказанию виновных в распространении противоправительственных сочинений не носили жесткого (по высшему пределу санкции статьи, предусмотренной законом), и тем более карательного характера. Все обвинительные приговоры, как, например, по делу Г. Е. Дронина, выносимые судами по данному виду преступлений в течение 1905 года, совершенных до 30 июля 1904 г., заканчивались стандартной формулировкой: «Наказанию не подвергать за силою 1 п. XIX ст. Всемиловейшего Манифеста от 11 августа 1904 г.» [3]. А в случае присуждения наказания оно назначалось подсудимому по низшему пределу санкции статьи Уголовного уложения, предусмотренной за подобный вид преступления. Следует констатировать, что законодательная политика царских властей в 1904–1905 гг., направленная на прощение и освобождение от наказания политических преступников, говорит о ее гуманистическом, умиротворяющем характере. Всемиловейший Манифест от 11 августа 1904 г. и Высочайший указ от 21 октября 1905 г. создали такую правовую ситуацию, когда лица, совершившие государственные преступления до 30 июля 1904 г., а затем перманентно и до 17 октября 1905 года, освобождались от наказания в связи с прекращением уголовного преследования. Все это свидетельствует о том, что царские власти недооценивали крайне опасный характер революционной агитации и пропаганды и не принимали должных мер по противодействию и борьбе этой преступной деятельностью.

В-третьих, следует отметить общественно опасный характер антиправительственной агитации и пропаганды эсеров и социал-демократов, разрушавшей традиционные ценности духовной культуры и морали в крестьянской среде, а также результативность распространяемой противоправительственной литературы и подстрекательских призывов залетных революционных «ораторов», что нашло свое отражение в широко развернувшемся погромном крестьянском движении в годы «первой русской революции».

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеев Ю.В. Проблема эксцесса революционного насилия в крестьянском движении 1905–1907 гг. (по материалам Саратовской губернии) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 379–386.

2. Вересова Е.А. Привлечение крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных изданий в Тверской губернии в начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 1. С. 39–46.
3. Высочайший манифест 11 августа 1904 г.: С прил. разъяснительного очерка о применении Манифеста уголовными судами на основании решений Прав. Сената. Неофиц. изд. СПб.: Издание книжного склада «Юридическая Помощь», 1904. 50 с.
4. Гарбуз Г.В. Аграрное движение в Поволжье в период революции 1905–1907 гг. в оценках руководителей местной администрации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4 (56). С. 36–45.
5. Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 337.
6. ГАС О. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2491.
7. ГАС О. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2497
8. ГАС О. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2528.
9. Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «Об облегчении участи лиц, ввавших до восполюдования Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года в преступных деяния государственные» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг. Издание Юридического книжного склада «Право». СПб., 1909. 1018 с.
10. Маслов П.П. Крестьянское движение в России в эпоху первой русской революции (аграрный вопрос в России). В 2-х т. Т. II. Кн. 2. М., 1924.
11. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917: в 2 кн. Нью-Йорк: Изд. А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1955. Кн. 2. 583 с.
12. Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.: Санкт-Петербург, 1903. — 253 с.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. В 16 томах. Т. 15. СПб., 1912.
14. Спиридович А.И. Революционное движение в России. Выпуск 2-й. Партия социалистов-революционеров и их предшественники. [Электронный ресурс] // URL: <http://dn-knigi.lib.ru/> (дата обращения: 25.02.2023)
15. Шестаков А.В. Агитация и пропаганда большевиков в деревне в революции 1905–1907 годов [Электронный ресурс] // URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view> (дата обращения: 04.03.2023).

REFERENCES

1. Varfolomeev Yu.V. *Problema e`kscessa revolyucionnogo nasiliya v krest`yanskom dvizhenii 1905–1907 gg. (po materialam Saratovskoj gubernii)* [The problem of the excess of revolutionary violence in the peasant movement of 1905–1907 (based on the materials of the Saratov province)] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodny`e otnosheniya*. 2023. T. 23, vy`p. 3. S. 379–386. (In Russian).
2. Veresova E.A. *Privlechenie krest`yan k otvetstvennosti za xranenie i rasprostranenie nelegal`ny`x izdanij v Tverskoj gubernii v nachale XX v.* [Bringing peasants to responsibility for the storage and distribution of illegal publications in the Tver province at the beginning of the XX century] // *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazy`kovedenie. Kul`turologiya»*. 2016. № 1. S. 39–46. (In Russian).
3. *Vy`sochajshij manifest 11 avgusta 1904 g.: S pril. raz`yasnitel`nogo ocherka o primenenii Manifesta ugovolny`mi sudami na osnovanii reshenij Prav. Senata. Neoficz. izd. SPb.: Izdanie knizhnogo sklada «Yuridicheskaya Pomoshh`», 1904. 50 s.* (In Russian).
4. Garbuz G.V. *Agramoe dvizhenie v Povolzh`e v period revolyucii 1905–1907 gg. v ocenках rukovoditelej mestnoj administracii* [The agrarian movement in the Volga region during the revolution of 1905–1907 in the assessments of the heads of the local administration] // *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki*. 2020. № 4 (56). S. 36–45. (In Russian).
5. Gosudarstvenny`j arxiv Saratovskoj oblasti (dalee — GASO). F. 7. Op. 1. D. 337. (In Russian).

6. GAS O. F. 7. Op. 1. D. 2491. (In Russian).
7. GAS O. F. 7. Op. 1. D. 2497. (In Russian).
8. GAS O. F. 7. Op. 1. D. 2528. (In Russian).
9. Imennoj Vy`sochajshij ukaz Pravitel`stvuyushhemu Senatu «Ob oblegchenii uchasti licz, vpavshix do vospoledovaniya Vy`sochajshego Manifesta 17 oktyabrya 1905 goda v prestupny`x deyaniya gosudarstvenny`e» // Zakonodatel`ny`e akty` perexodnogo vremeni. 1904–1908 gg. Izdanie Yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo». SPb., 1909. 1018 s. (In Russian).
10. Maslov P.P. *Krest`yanskoe dvizhenie v Rossii v e`poxu pervoj russkoj revolyucii (agrarny`j vopros v Rossii)* [Peasant Movement in Russia in the Era of the First Russian Revolution (agrarian question in Russia)]. V 2-x t. T. II. Kn. 2. M., 1924. (In Russian).
11. Naumov A.N. *Iz ucelevshix vospominanij. 1868–1917* [From surviving memories. 1868–1917]: v 2 kn. N`yu-York: Izd. A. K. Naumovoj i O. A. Kuseviczkaj, 1955. Kn. 2. 583 s. (In Russian).
12. *Novoe Ugolovnoe ulozhenie, Vy`sochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.*: Sankt-Peterburg, 1903. — 253 s. (In Russian)
13. *Ulozhenie o nakazaniyax ugolovny`x i ispravitel`ny`x* // *Svod zakonov Rossijskoj imperii. V 16 tomax. T. 15.* SPb., 1912. (In Russian).
14. Spiridovich A.I. *Revolucionnoe dvizhenie v Rossii. Vy`pusk 2-j. Partiya socialistov-revolucionerov i ix predshestvenniki* [The revolutionary movement in Russia. Issue 2. The Party of Socialist Revolutionaries and their predecessors]. [E`lektronny`j resurs] // URL: <http://ldn-knigi.lib.ru/> (data obrashheniya: 25.02.2023). (In Russian).
15. Shestakov A.V. *Agitaciya i propaganda bol`shevikov v derevne v revolyucii 1905–1907 godov* [Agitation and propaganda of the Bolsheviks in the countryside in the revolution of 1905–1907]. [E`lektronny`j resurs] // URL: <https://libmonster.ru/m/articles/view> (data obrashheniya: 04.03.2023). (In Russian).